

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ШКОЛА №411 «ГАРМОНИЯ»
(198504, Санкт-Петербург, Петродворец, ул. Ботаническая, д. 6)

Работа

Дмитрий Лихачев и другие (эскиз портрета поколения на фоне эпохи)

Исполнитель:

Яцкевич Дарья Викторовна, ученица 11 «А» класса
Родилась 24 сентября 1990 г.

Руководитель:

Преподаватель литературы Молодец Ольга Борисовна

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2007

Оглавление

	Стр.
Вступление	1
Глава 1. Культура	1-24
1.1. Определение; культура и труд	1-2
1.2. Лихачев и другие как интеллигенция новой формации	2-20
1.2.1. Интеллигенция и образованщина	2-4
1.2.2. «Жертвы режима»	4
1.2.2. Старая интеллигенция	4-5
1.2.3. «Сфера духа» Флоренского	5-6
1.2.4. Лихачевская плеяда	6-20
1.2.4.1. Последние гимназисты; происхождение, образование, достижения	7-13
1.2.4.2. Ссылки и лагеря	13-17
1.2.4.3. Типичные черты характера	17-19
1.2.5. Частный случай Горбовского	19
1.3. Связь Духа и культуры	20-22
1.4. Трагедия Лихачева	22-24
Глава 2. Техника	24-26
2.1. Определение	24
2.2. Техника как антагонист культуры	25-26
2.4. Техника как финальный аккорд истории человечества	26
Глава 3. Комфорт. Жить не по лжи и не для «большой жратвы»	27
Заключение	27-28
Список литературы	

"Перед культурой будут стоять особенно большие задачи в будущем. Когда техника удовлетворит материальные потребности человечества (хочется верить), потребности в комфорте и прочем, наступит век создания культурных ценностей". (Лихачев Д.С. Раздумья о России. - СПб., 1999. - 459 с.).

В этой выписке основными являются следующие лексическо-смысловые единицы:

- 1) культура, возрастание её роли в будущем;
- 2) техника (она же цивилизация) в деле удовлетворения потребностей человека и её противостояние культуре в настоящий момент;
- 3) потребности человека и его комфорт как способствующие культурному творчеству.

Давайте же попробуем рассмотреть эту триаду в её развитии и безусловной связи с личностью автора этих слов и его современников.

Культура - это ключевое слово как для творчества Д.С. (Дмитрия Сергеевича; в дальнейшем так же), так и для его личности как таковой. Сам его благородный, величавый физический облик, прекрасный старопетербургский слог, строгие и точные интонации, мастерское владение словом - всё выдаёт подлинного рыцаря культуры.

"Слово Культура в общественных науках и особенно в истории употребляется в двояком смысле. Во-первых, под К. понимается известная степень образованности, когда, напр., говорят о культурных народах или классах общества в противоположность некультурным народам или классам; в том же смысле употребляются выражения вроде таких, как культурный человек, культурные привычки и т. п. Другое, более широкое словоупотребление придает К. значение вообще быта или внутреннего состояния, без какого бы то ни было намека на степень развития того или другого народа, класса общества и т. п. В этом смысле говорится, напр., о первобытной К., т. е. о К. таких эпох и народов, которые при употреблении слова, в первом значении должны быть названы некультурными." (Брокгауз и Ефрон "Культура в общественных науках").

Культурность, согласно Ожегову, - существительное от прилагательное "культурный", которое значит:

- 1) Находящийся на высоком уровне культуры, соответствующий ему;
- 2) Относящийся к просветительной, интеллектуальной деятельности;
- 3) Обработанный, возделанный, выращенный человеком, не дикий (32).

Это заимствованное из латыни слово означает "возделывание, воспитание, образование, развитие, почитание" (37, с.669). И Д.С. своей судьбой, фактами собственной биографии убедительно доказал, что возделывать самого себя, образовать и стать настоящим творцом культурных ценностей возможно и в самых неприемлемых для этого условиях.

Настоящая культура подразумевает постоянный и неустанный труд. Д.С. не родился таким, а таким себя воспитал, выковал, выкультивировал. Сам процесс жизни для него - это "беспрерывное творчество, вечное созидание" (23, с.26).

Студентом университета Д.С. заметил, что с трудом излагает свои мысли на бумаге, и тогда он придумал систему совершенствования письменной речи:

"Во-первых, чтобы язык мой был богатым, я читал книги, с моей точки зрения, хорошо написанные, написанные хорошей прозой - научной, искусствоведческой (...) и делал из их книг выписки - главным образом, фразеологические обороты, отдельные слова, выражения, образы и т.д. Во-вторых, я решил писать каждый день, как классные сочинения, и писать особым образом "без отрыва пера от бумаги", то есть не останавливаясь (...) старался записывать свою собственную, внутреннюю устную речь, старался догнать пером внутренний монолог, обращенный к конкретному читателю (...) Работая корректором, тоже вел записные книжки, куда записывал особенно точно выраженную мысль, точно и кратко. Впоследствии, когда я поступил в Институт русской литературы, глава о литературе 11 - 13 веков мною была написана как стихотворение в прозе. Далось мне это очень нелегко. На даче в Елизаветине я переписывал текст не менее 10 раз от руки." (22, с.414).

"Учиться хорошей, спокойной, интеллигентной речи надо долго и внимательно - прислушиваясь, запоминая, замечая, читая и изучая. Но хоть и трудно - это надо, надо." (23, с.75).

Несомненно, Д.С. считается и по праву является интеллигентом высочайшей пробы; но что это такое сегодня и как соотносятся подобные люди нашего времени с изначальной русской интеллигенцией века 19-ого?

Авторы знаменитого предреволюционного сборника "Вехи" определили интеллигенцию не степенью и родом образованности, а по идеологии - как некий новый, безрелигиозно-гуманистический орден, сплоченный т.н. "этикой нигилизма" (термин философа Франка). Величайшие русские писатели, естественно, в этот воинственный орден никоим образом не входили. "Прогрессивная общественность" подвергала глумлению и беспощадному бойкоту гениальных творцов: Достоевского, Лескова, К.Леонтьева. Для этих поколений интеллигентов середины позапрошлого столетия характерны "страстная преданность излюбленной идее, доводящая человека, с одной стороны, до самопожертвования и величайших подвигов и, с другой стороны, - до уродливого искажения всей жизненной перспективы и нетерпимого истребления всего несогласного с данной идеей" (42, с.83).

"Героический интеллигент не довольствуется ролью скромного работника, его мечта - быть спасителем человечества или, по крайней мере, - русского народа. Экзальтированность, иррациональная приподнятость настроения, опьянение борьбой. Убеждение, что нет другого пути, кроме социальной борьбы и разрушения существующих общественных форм." (38).

Тому, прежнему интеллигенту-шестидесятнику 19-ого века было "чуждо и отчасти враждебно понятие культуры в точном и строгом смысле этого слова" (42, с.88).

Интеллигент в понимании Лихачева - это человек духа, умноженной на нравственность.

Для Лихачева "интеллигентность равна нравственному здоровью. (...) Интеллигентность не только в знаниях, а в способностях к пониманию другого. Она проявляется в тысяче и тысяче мелочей: в умении уважительно спорить, вести себя скромно за столом, в умении незаметно (именно незаметно) помочь другому, беречь природу, не мусорить окурками или руганью, дурными идеями (это тоже мусор, и ещё какой!). Я знал на русском Севере крестьян, которые были по-настоящему интеллигентны." (23, с.47 и 49).

Духовный человек = создатель культурных ценностей, вносящий в ноосферу своё, пусть скромное - но своё. А что такое нравственный человек? Да всё просто, следует соблюдать Заповеди Христа, либо иной кодекс морали, они все в принципе включают примерно одинаковые требования: "не убий", "не укради", "помоги ближнему своему", "считайся с интересами окружающих", "не делай другим того, чего не хотел бы получить сам" ...

Он обладал неким "всепониманием", качеством высшего интеллигента, которое отличало его от фанатичных и узколобых российских интеллигентов 19-ого века а-ля Чернышевский или Кибальчич, в своём стремлении к "свободам" и "равенству" почитавших первейшей обязанностью презирать власти и закономерно пришедших к идее физического истребления высших государственных чиновников и самого императора. Можно вспомнить писателя и журналиста Петра Ткачева, по замыслу которого всё население России старше 25 лет подлежало уничтожению ввиду его неспособности к восприятию новых идей...

Подлинная нравственность, основанная на уважении к человеческой личности, несовместима с дикими принципами "образованцев" 19 века, усилиями которых была расшатана и уничтожена Российская империя.

Это образованцы братья Ульяновы и Парвус "во имя равенства, зависти и пищеварения" (Достоевский, "Бесы") организовали русскую революцию, это парижский образованец Пол Пот уничтожил половину собственного народа, это образованцы-атеисты Дидро и Вольтер идеологически подготовили Великую Французскую революцию с её колоссальными невинными жертвами и неисчислимыми пагубными последствиями.

О такого рода культуре писал австрийский классик:

"Невероятное множество людей чувствует ныне огорчительное противоречие между собой и невероятным множеством других людей. Это основная черта культуры – что человек испытывает глубочайшее недоверие к человеку, живущему вне его собственного круга, что, стало быть, не только германец еврея, но и футболист пианиста считает существом непонятным и неполноценным." (29).

Линия водораздела проходит отнюдь не по степени образования либо воспитания, не по сочувствию к тому или иному течению мысли (так, Лихачева и Л.Гумилева

определяли - первого как "западника", второго - в качестве "последнего евразийца" (15), не по принадлежности к гуманитариям или технарям. Главное - в другом: необходимы нравственное поведение, милосердные слова, светлые помыслы.

В статье, написанной для сборника "Вехи", известный русский философ предрекал явление Лихачева:

"Русская интеллигенция, при всех недочетах и противоречиях её традиционного унастроения, обладала доселе одним драгоценным формальным свойством: она всегда искала веры и стремилась подчинить вере свою жизнь. Так и теперь она стоит перед величайшей и важнейшей задачей пересмотра старых ценностей и творческого овладения новыми. Правда, этот поворот может оказаться столь решительным, что, совершив его, она вообще перестанет быть "интеллигенцией" в старом, русском, привычном смысле слова. Но это - к добру! На смену старой интеллигенции, быть может, грянет "интеллигенция" новая, которая очистит это имя от накопившихся на нем исторических грехов, сохранив неприкосновенным благородный оттенок его значения. (...) От непроизводительного, противокультурного нигилистического морализма мы должны перейти к творческому, созидающему культуру религиозному гуманизму" (42, с.110).

К великому сожалению, культура и талант не даруют сами по себе самого главного - человеческого поведения. Такие талантливые писатели и совершенно растленные люди, как Валентин Катаев или Ю.Олеша (это он в своих дневниках признавался: "Моя мечта - перестать быть интеллигентом"), или ставший доносчиком и главным советским литературным боссом Фадеев - "традиционный русский интеллигент, который пошел по жуткому пути" (16) - подлинны жертвы советского Молоха. Можно вспомнить и сталинского лизоблюда и обласканного во все времена гимнописца, Михалкова-старшего. С тем большим благоговением стоит ценить незапятнанную честь Д.С. и людей его карасса (термин недавно почившего в Бозе Курта Воннегута).

"И как та кочерга из присказки, в тёмной избе неосторожно наступленная ногою, с семикратной силой ударила олуха по лбу, так революция расправилась с пробудившей её русской интеллигенцией. После царской бюрократии, полиции, дворянства и духовенства следующий уничтожительный удар успел по интеллигенции ещё в революционные 1918 - 20 годы, и не только расстрелами и тюрьмами, но холодом, голодом, тяжёлым трудом и насмешливым пренебрежением." (38).

В своих воспоминаниях Д.С. мастерски нарисовал множество портретов старых интеллигентов, героев "положительных сил добра и света" (термин Л.Н.Толстого), ставших персонами "нон грата" в государстве диктатуры пролетариата. Они обладали, помимо вышеупомянутых мессианских недостатков, огромным числом достоинств, о которых мы можем только мечтать.

Занимаясь в университете, Лихачев увлекся Л.П.Карсавиным, перед арестом читал книгу философа "Петербургские ночи" (Лев Платонович Карсавин являлся прямым

потомком великого Хомякова и умер в 70 лет в 1952 году в концлагере в Абези между Воркутой и Интой). А попав в тюрьму, оказался в одной камере с шурином Карсавина, тихонько, чтобы не услышала стража, отлично напевавшего цыганские романсы ... (22, с.187).

В тюремной камере Д.С. встречается и главу петроградских бойскаутов графа Владимира Михайловича Шувалова. Он был настолько увлечен своими исследованиями по логике, продолжавшими "Логические исследования" Гуссерля, что просто не замечал крики и галдеж в переполненной людьми камере. Д.С., хотя и занимался логикой у такого ученого, как А.И.Введенский, с трудом понимал тончайшие умозаключения Шувалова (22, с.190).

Вот член петербургского Религиозно-философского общества и член-учредитель Вольной Философской ассоциации в Ленинграде (знаменитой Вольфилы), выдающийся философ Александр Александрович Мейер. С ним Д.С. близко сходитесь на Соловках (где ж ещё!), и это общение коренным образом влияет на формирование личности и мировоззрения будущего академика.

Ещё один соловецкий знакомый Д.С., Георгий Михайлович Осоргин, бывший царский офицер и глубоко религиозный человек. Осенью 1929 года к нему на Соловки, приговоренному к расстрелу и содержащемуся в карцере, приехала на свидание супруга, урожденная Голицына: "начальство, смущенное приездом жены на свидание по разрешению более высокого начальства, выпустило Осоргина под честное слово офицера на срок чуть меньший (меньше оставалось дней до назначенного расстрела), чем полагалось для свидания, с условием, что он ничего не скажет жене о готовящейся ему участи. И Георгий Михайлович слово сдержал!" (22, с.365).

Академик Александр Сергеевич Орлов, до революции приват-доцент Московского университета, потомок писателя Лажечникова. Однажды в набитом вагоне Орлов взял на руки девочку с температурой и сам подхватил черную оспу, изуродовавшую его лицо. Ругатель авторитетов и покровитель младших научных сотрудников, балагур и шутник, всю жизнь искусно играющий в "русского академика" - настоящий мастодонт старой русской культуры.

"Среди ученых корректоров издательства (АН СССР) было много пожилых людей "из бывших". 2 бывших барона, лицеист, правовед, странный старичок старообрядец, оказавшийся моим дальним родственником по матери, и 2 замечательных по своей общей культуре человека - А.В.Суслов, родственник жены Достоевского (и В.В.Розанова), и Л.А.Федоров. Общение с ними было великой школой. Как важно выбирать своих знакомых, и главным образом среди людей выше тебя по культурному уровню!" (22, с.411).

Хотелось бы особо выделить одного "человека духа", великого философа и ученого Серебряного века, принадлежащего к долихачевскому поколению. Это отец Павел Флоренский, судьба которого также привела на Соловки.

Круг его интересов был огромен: от геологии до ядерной физики и провидения кибернетики. Он выдвинул понятие о сфере духа или культуры, пневмосфере - наряду со сферой жизни, биосферой, и твердыми оболочками планеты, геосферой - области земного вещества, проработанного духом, культурой. Этот термин близок термину "ноосфера".

"Есть много данных, - писал о. Павел Вернадскому, - правда, еще недостаточно оформленных, намекающих на особую стойкость вещественных образований, проработанных духом, например, предметов искусства. Это заставляет подозревать существование и соответственной особой сферы вещества в космосе".

И, если бы не письма, которым Флоренский с некоторых пор придавал особое значение и часть которых каким-то чудом сохранилась, то мы, быть может, и не догадывались бы, что нынешние разработки в области теории единого информационного поля имеют "предтечу в своем отечестве" (52).

Эти воззрения на бессмертие творений Духа были кровно близки Лихачеву.

И недаром плодом юношеских размышлений явилась у Д.С. концепция времени как формы отражения бытия; согласно ей, истинное бытие не имеет ни времени, ни пространства; дух человека и созданное им - вне времени, и не подчинено ни тлению, ни забвению, ни гибели (22, с.164-166).

Размышлял он об этом и позднее: "Я верю, что ничто не исчезает, всё остается и вне поля нашего сознания. Времени в наших формах его восприятия нет." (22, с.437).

Имеются многочисленные факты в пользу гипотезы объективного существования пневмосферы - сферы духа, пронизывающей и охраняющей мир и хранящей в себе все духовные "заслуги" грешного человечества: "церкви, которые испытывают нагрузки много большие, нежели иные постройки, разрушающиеся на наших глазах, удивительно долговечны. Вот другой общеизвестный факт: у икон лучше всего сохраняются лики. Вспомним Владимирскую Божью мать, Петра и Павла Новгородских, многие другие иконы. (...) ризы, если в них служишь, становятся лучше, крепче, но, лежащие в сундуке, портятся" (41, с.12).

"Крошится мрамор. Истлевают сталь.
Ржавеет золото, и к смерти всё готово.
Всего ценнее на земле - печаль.
И долговечней - царственное слово."
(А.А.Ахматова).

Я много читала о людях поколения, породившего возвышенную фигуру Д.С., и вдруг с изумлением обнаружила, что он был не одинок. Среди общего очень низкого советского культурного уровня эллинскими Колоссами высились исполинские фигуры недоистребленных государственной машиной мыслителей, художников, ученых, рыцарей духовной культуры без страха и упрека.

Вглядитесь в их светлые одухотворенные лица (к примеру, на фото Лихачева весной 1932): исполненные благородства, собственного достоинства, глубокой внутренней работы мысли. (На современных фотографиях - скорбная линия рта академика, стигмат невыносимой боли жить во времена тотальной эрозии духа, всеобщего, на всех уровнях разрушения русских культурных ценностей).

Это последнее поколение, успевшее поучиться в царских гимназиях или училищах, в которых им преподали твердые гуманитарные знания, языки и самое главное - начала Слова Божьего.

Их биографии писаны будто под кальку: родившись в интеллигентных русских семьях с традициями и историей (и не важно, были их родители Рюриковичами или крестьянами), обучались и воспитывались в императорских гимназиях, продолжили образование в Петербурге или Москве, прошли ад отечественных концлагерей (за совершенное преступление "быть иным"), сохранив светлый человеческий облик. И все они, при всём неслыханном внешнем давлении, имели мощь культурного делания, чтобы заниматься творчеством в заключении, ссылках и даже в лагерях. Советская власть как будто всерьез восприняла шуточный чеховский совет: "Писателей надо отдавать в арестантские роты и там принуждать их писать карцерами, поркой, побоями..." (3).

Впрочем, великий поэт, стертый в лагерную пыль, утверждал уже всерьез: "если вам есть что сказать, скажете при всех обстоятельствах, и вместо 10 нудных томов напишете 1" (33).

Эта невиданная человеческая поросль, похоже, была предназначена для воистину титанических подвигов, если сейчас мы благоговеем перед их свершениями, сделанными в условиях жестоких гонений и тотальной несвободы. Однако цивилизационный катаклизм 1917 года не позволил реализоваться им в полной мере. Знаменитый современный критик выразился о них так: "Мы ясно сознаем, какое поистине всемирное культурное значение имеет научная мысль этого поколения" (18).

В своих высших образцах это люди выдающихся творческих достижений, героической нравственности и духовности, факел которой они зажгли в тех самых, старорежимных учебных заведениях. Поколение алмазов: под невиданным доселе давлением выкристаллизовались неслыханные ранее характеры.

Дмитрий Николаевич Козырев свидетельствует: "Надо сказать, что, когда дед его, мой прадед, посмотрел на отца, когда тот родился, он сказал: "У этого мальчика будет тяжелая судьба". Такой судьба была, видимо, для целого поколения русской интеллигенции, которое родилось в начале века. Огонь, который пожирал многих, давал возможность появиться некоторому алмазу, душевному алмазу у тех, кто эти переживания пережил, вынес. Мне кажется, что отец был одним из этих людей" (31).

Итак, Николай Александрович Козырев.

Родился в сентябре 1908 в Санкт-Петербургской дворянской семье. Окончил физико-математический факультет Ленинградского университета. Стал ведущим

астрофизиком страны, автором революционной теории времени, отрицающей "тепловую смерть вселенной". Помимо своей "причинной механики", Козырев открыл вулканизм на Луне и предсказал распространенность планетарного вулканизма и отсутствие магнитного поля у Луны за несколько лет до первых космических к ней экспедиций.

Это ему посвящен знаменитый гимн российской интеллигенции А.Вознесенского:

"Есть русская интеллигенция.

Вы думали - нет? Есть.

Не масса индифферентная,
а совесть страны и честь.

<...>

"Нет пороков в своем отечестве".

Не уважаю лесть.

Есть пороки в моем отечестве,
зато и пророки есть.

Такие, как вне коррозии,
ноздрей петербургской вздет,
Николай Александрович Козырев -
небесный интеллигент.

Он не замечает карманников.

Явился он в мир стереть
второй закон термодинамики
и с ним тепловую смерть.

Когда он читает лекции,
над кафедрой, бритый весь -
он истой интеллигенции
указующий в небо перст."

Скончался Козырев в 1983 года от рака желудка, которым наградили его сталинские лагеря.

Михаил Михайлович Бахтин.

Родился в ноябре 1895 года в семье в семье дворянской и очень древней; его родичем считался поэт Кантемир. Сам Бахтин вспоминал: "Мой прапрадед был бригадир екатерининских времен, и он три тысячи крепостных душ своих пожертвовал на создание кадетского корпуса — одного из первых в России. Этот корпус просуществовал до революции и носил его имя: имени Бахтина Орловский кадетский корпус 1. Одно время он назывался военной гимназией, тоже имени Бахтина" (14).

Он обучался в трех российских провинциальных гимназиях: в Орле, Вильно и Одессе, и эти учреждения и педагогов вспоминал с теплым чувством:

"Я скажу одно, что гимназии, все три, были хорошие, особенно хороша была одесская гимназия. Прекрасная была гимназия. И Виленская гимназия была очень хорошая. (...) находилась в здании древнего Виленского университета, построенного в XVI веке. В этой Виленской гимназии до меня учился Пилсудский и вообще многие, ставшие потом видными деятелями. Преподаватели там были очень хорошие. (...) Я помню преподавателя. Это был удивительный человек! Он был очень красив, типичный поляк, с бородой, очень красивый человек и очень духовный человек. Преподаватели были хорошие, очень. Я, во всяком случае, не помню ни одного, который вызывал бы антипатию у меня и у других. Это все были честные люди, знающие люди, иногда очень знающие, благожелательные. Мы все очень любили Адриана Васильевича Клуковского, до сих пор его помню. (...) Он преподавал русский язык и русскую литературу. Преподавал замечательно, с увлечением, я бы сказал, со страстью, которая заражала всех. Он и писал. Взгляды у него были отнюдь не революционные. Была опубликована его работа «Религиозные веяния в русской поэзии». Потом он писал о Тургеневе. Еще в 16-м году последняя его статья была опубликована в «Журнале Министерства народного просвещения» Существовал такой журнал. Преподаватель математики Янкович мне тоже очень нравился, и всем нравился. Он был несколько сухой, но чрезвычайно логичный. Он ничего не давал так, чтобы запомнить, нет, он все умел как-то доказать, довести до сознания. Потом я перевелся в Одесскую, в 4-ю Одесскую гимназию, которую и окончил. Одесская гимназия тоже была хороша." (14).

В 1914-1918 годах Бахтин жил в Петербурге - Петрограде и учился в столичном университете. Здесь Михаил Михайлович лично соприкасался с виднейшими русскими мыслителями Серебряного века - В.В.Розановым, Н.А.Бердяевым, Н.О.Лосским, А.В.Карташевым и другими.

Общепризнано, что М.М. Бахтин - один из крупнейших или даже вообще крупнейший мыслитель и ученый-гуманитарий XX века. Западные специалисты полагают, что в мире мысли настала "эпоха Бахтина", что его философия - единственно возможный ответ на всемирный "кризис познания".

Алексей Федорович Лосев.

Родился в сентябре 1893 года в семье народного учителя математики, скрипача-виртуоза, и дочери настоятеля храма Михаила Архангела.

В 1911 году окончил с золотой медалью Новочеркасскую гимназию.

"А.Ф. любил родную гимназию, называя ее "кормилицей" (она действительно изобильно питала своих учеников науками) и вспоминая ее постоянно. В гимназии заложено было у юного Лосева стремление соединять все области знания в нечто единое. Он увлекался литературой, философией, математикой, историей, древними языками. Учителя были выдающимися знатоками своего дела ("Не чета нынешним профессорам", говаривал он). Достаточно сказать, что в старших классах гимназии юноша изучал сочинения Платона, полученные в подарок от учителя древних языков

И. А. Микша, а также сочинения Вл. Соловьева, которыми наградила его директор гимназии Ф. К. Фролов. Кроме того, существовали "Природа и люди", "Вокруг света", "Вестник знаний", "Вера и разум", которые читал и выписывал гимназист. Слушал он и лекции приезжих ученых и критиков вроде Ф. Степуна и Ю. Айхенвальда, неизменно посещал театр, где играли известнейшие в России гастролеры, и концерты "Русского музыкального общества" (51).

Далее он окончил Московский университет, отделение классической филологии и философии. В Москве получил он и профессиональное музыкальное образование (школа итальянского скрипача Ф. Стаджи) и серьезную подготовку в области психологии - учился у профессора Г. И. Челпанова, который порекомендовал юношу в Религиозно-философское общество. Здесь молодой человек имел счастье личного общения с Вяч. Ивановым, С. Н. Булгаковым, И. А. Ильиным, С. Л. Франком, Е. Н. Трубецким, П. Флоренским (последний даже венчал его).

А. Ф. Лосев считается последним (по времени) в ряду великих русских философов.

Александр Леонидович Чижевский.

Родился в феврале 1897 года в семье кадрового офицера и изобретателя. Мать, урожденная Невиандт, принадлежала к старинному роду выходцев из Голландии. Прадед ученого был сподвижником Суворова. Близким родственником Чижевским был адмирал Нахимов.

3 года он учился в Бельской мужской гимназии, а после переезда семьи в Калугу Саша учится в частном реальном училище Шахмагонова (1913-15 гг.), знакомится с Циолковским.

Основатель гелиобиологии писал прекрасные стихи, отлично рисовал, хорошо играл на скрипке, был человеком энциклопедических знаний. Международный конгресс по биофизике и космической биологии, проходивший в 1939 году в Нью-Йорке, выдвинул его кандидатуру на соискание Нобелевской премии, охарактеризовав Чижевского как "Леонардо да Винчи XX века" (так же, кстати, прозывали и Флоренского).

Даниил Леонидович Андреев, сын писателя Леонида Андреева.

Родился (как и Д.С.) в ноябре 1906, учился в московской частной "Репмановской" гимназии в Мерзляковском переулке, славившейся качеством своего образования.

"Даниил очень любил гимназию, и, по-видимому, было за что любить. Об атмосфере, необычной для учебного заведения, говорит такой факт. После революции Евгения Альбертовна жила в Судаче, в Крыму. Больная, с парализованными ногами, она не имела средств к существованию. Поэтому бывшие ученики гимназии, окончившие ее где-то в двадцатых годах, ежемесячно собирали для нее деньги. Так продолжалось до начала войны; большую роль в сборе этих денег играл Даниил. Я думаю, что его мечта о создании особой школы - мечта всей жизни, нашедшая отражение в "Розе Мира" (воспитание человека облагороженного образа), - какими-то своими душевными истоками коренится в своеобразной атмосфере этой школы. Эта мечта - создание школы для этически одаренных детей; не юных художников, биологов или

вундеркиндов-музыкантов, а детей, обладающих особыми, именно этическими душевными качествами" (2).

Он закончил Высшие литературные курсы. Дело его жизни - книга "Роза мира", из-за которой Д.Андреева справедливо сравнивают с авторами библейских текстов и Данте; в ней он даёт грандиозную и вдохновенную картину мироздания, увиденного просветлёнными, духовными очами.

Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский.

Родился в 1900 году в семье потомственного дворянина. Обучался в Киевской Первой Императорской Александровской гимназии, окончил же в 1917 году Флеровскую гимназию в Москве, в которой зоологию преподавал известный специалист С.И. Огнев. Учился в Первом московском государственном университете. В 1925 году был командирован в Германию в Институт мозга, где работал вплоть до 1945 года, внося фундаментальный вклад в несколько областей современной биологии.

Он являлся неподражаемым мастером устного слова; его истории о славных предках, об искусстве, о встречах с выдающимися людьми записывали на магнитофон словно театр одного актера.

ЮНЕСКО объявила 2000 год, год столетнего юбилея ученого, годом Тимофеева-Ресовского.

Юрий Осипович Домбровский.

В мае 1909 года он родился в московской интеллигентной семье (отец - известный адвокат, мать - биолог). Юрий учился в в бывшей хвостовской гимназии в Кривоарбатском переулке (учеником этой школы стал много позже Булат Окуджава).

«Отсюда все началось», – повторял Домбровский позднее" (47).

В 1932 год окончил Высшие литературные курсы. Пройдя через ад лагерей, он стал одним из самых значительных писателей XX века и замечательным поэтом.

"Содержание «Факультета ненужных вещей», смысл которого в том, что для тоталитарных режимов ненужными вещами оказываются все гуманитарные ценности, лучше всего иллюстрирует достоинства Домбровского" (47).

Лев Николаевич Гумилев.

Родился он в 1912 в семье двух великих поэтов и получил блестящее домашнее образование. Левушке Гумилеву в детстве пришлось сменить три школы, однако более всего повлияла на него бежецкая гимназия (ныне Дом детей и юношества).

"В памяти и в сердце Льва Гумилева остался его любимый учитель - Александр Михайлович Переслегин, с которым всю свою жизнь Л.Н.Гумилев не прерывал связи. А когда стали выходить его научные труды, он постоянно высылал их своему первому наставнику. Посылая свои работы, Лев Николаевич постоянно писал: "Дорогому Александру Михайловичу Переслегину от верного ученика", "Милому наставнику моему Александру Михайловичу Переслегину от автора" или "Дорогому учителю Александру Михайловичу от Левы" и т.д. Для Л.Н.Гумилева Александр Михайлович

был не просто любимым педагогом, который предпочел ученой карьере скромный путь школьного учителя (преподавал обществоведение и литературу в старших классах железнодорожной школы), но и замечательным другом, с которым можно и поиграть в шахматы, и послушать музыку, и часами беседовать о литературе, истории, философии. (...) Александр Михайлович Переслегин "дал такие знания истории, которых хватило, чтобы закончить университет и защитить кандидатскую диссертацию" (28).

Стал же он замечательным историком, географом, тюркологом и этнологом, автором новаторской теории пассионарности этносов.

Виктор Владимирович Виноградов.

Родился в январе 1895 в семье священника (отец его был репрессирован в 1930). После завершения гимназии в 1917 окончил Петроградский Историко-филологический "Зубовский" институт. Переехав в Москву, он создал собственную лингвистическую школу (т. н. виноградовскую школу русистики). Он автор первой "академической грамматики" русского языка, созданной в советский период.

Дмитрий Дмитриевич Иваненко.

Родился в июле 1904 г. в Полтаве; там же закончил гимназию. Его дед, как и многие в его роду, был священником, а отец издавал газету «Полтавский Вестник». В Ленинграде Иваненко получил университетское образование.

В 1932 году им впервые в мире была предложена протон-нейтронная модель ядра. Именно это фундаментальное положение лежит в основе современной теории элементарных частиц.

Ученый оставил свыше 400 научных работ высочайшего уровня в самых различных сферах: от математической физики до биологии, философии, истории науки и геологии. Одна из последних идей Дмитрия Дмитриевича – гипотеза кристаллоподобного строения Вселенной; а также учение о высшем 10-мерном пространстве.

Его работы последнего времени поражают широтой и размахом обобщений:

«Учение (Иваненко) о Высшем Пространстве (Высшем Космосе) признаёт, прежде всего, необходимость и возможность устранения основных причин глобального экологического кризиса – заблуждений и ложных представлений современных человеческих обществ, рассматривающих Природу лишь как источник потребления и безответственно её разрушающих. Основной целью мировоззрения и высшим смыслом человеческой жизни утверждается восстановление, защита и сохранение среды обитания и переход к обществу гармоничного, взаимообогащающего и безопасного развития человека и Природы» (50).

Сам Д.С. Лихачев.

Родился в ноябре 1906 года в семье инженера-электрика. Дед его, Михаил Михайлович, был купцом первой гильдии и потомственным почетным гражданином Петербурга. Это звание заслужил ещё основатель рода, Павел Петрович, прославившийся благотворительностью (в частности, согласно семейной легенде, он

пожертвовал армии во время войны с Наполеоном несколько тысяч офицерских сабель).

В 1914-1915 Дмитрий - ученик гимназии Императорского Человеколюбивого общества, затем перешел в гимназию и реальное училище К. И. Мая на Васильевском (в обоих заведениях обучался и А.Н.Бенуа, знаменитый художник Серебряного века).

"Школа К.И.Мая наложила сильный отпечаток и на мои интересы, и на мой жизненный, я бы сказал мировоззренческий, опыт. (...) Я вспоминаю те несколько лет, которые я провёл у Мая, с великой благодарностью. Даже почтенный швейцар, который приветствовал нас по-немецки, а прощался по-итальянски, учил нас вежливости собственным примером - как много всё это значило для нас, мальчиков! Учителя не заставляли нас выдавать "зачинщиков" шалостей, разрешали на переменах играть в шумные игры и возиться. (...) Мы выпускали разные классные журналы и даже писали и размножали собственные сочинения в духе повестей Буссенара и Луи Жаколио без преподавательского надзора. (...) Но самое удивительное были уроки рисования М.Г.Горохова. (...) Перспектива была точнейшая наука, учившая нас думать. Уроки перспективы были сродни урокам геометрии. С тех пор я умею замечать ошибки художников в перспективе. Уроки М.Г.Горохова подготовили меня к пониманию исследований перспективы о. П.Флоренского" (22, с.119-121).

В 1928 году окончил факультет общественных наук Ленинградского государственного университета, а уже в феврале того же года арестован и осужден на 5 лет "за контрреволюционную деятельность".

Можно подумать, что Архипелаг ГУЛАГ был учреждением по развитию творческих способностей русских гениев, столько их, прошедших через лагеря, заслужили впоследствии великую славу своей стране... "Ученые рабы" (выражение Л.Ландау) в закрытых шарашках догоняли и перегоняли Америку, а гуманитарии-отшельники продумывали вдали от суеты университетов гениальные теории. Скорее, однако, следует восхититься неиссякаемой гениальностью народа: на одного гения, вернувшегося из лагерей и нашедшего в себе силы продолжить творчество, приходилось, вероятно, не менее сотни погибших и сломившихся.

24 декабря 1928 года Бахтин был арестован вместе с большой группой связанных с ним людей и 22 июля 1929 года приговорен к заключению сроком на пять лет. Он обвинялся в принадлежности к "подпольной контрреволюционной организации", пропагандировавшей "религиозные и националистические настроения".

Пребывая в ссылке и не имея никаких надежд на опубликование своих трудов, Бахтин продолжал интенсивную творческую деятельность и в Кустанае, и в Кимрах, и в Саранске.

В 1946 году ему удалось защитить диссертацию, посвященную Рабле, и стать кандидатом филологических наук, каковым он и сошел в могилу, ибо позднее как истинный философ отказался от настойчиво предлагаемого ему звания профессора.

Находясь в лагере, реставратор Барановский умудрился создать ампиный дворец из самана - здание сельскохозяйственного музея. За работу в местах заключения ученый получил мандат "Ударника сибирских лагерей" - символ, по выражению Юрия Бычкова, автора книги о Петре Дмитриевиче, цинизма и человеческого бесправия.

В конце 20-х годов за серию философских трудов, несовместимых с "единственно истинно верным учением", Лосев подвергся травле и проработке в печати. На XVI партсъезде ВКП(б) его как классового врага осудил Лазарь Каганович, обрушился на него и М. Горький. 18 апреля 1930 г. А. Ф. Лосева арестовали, приговорив к 10 годам лагерей (его супругу к 5 годам), обвинив в антисоветской деятельности и в участии в церковно-монархической организации. Срок он отбывал во внутренней тюрьме Лубянки (4 месяца одиночки) и в лагере на стройке Беломорско-Балтийского канала. Лосева освободили в 1933 г. в связи с завершением стройки канала; вышел он из лагеря, почти полностью утратив зрение. Прямым указанием ЦК ВКП(б) ему наложили запрет на работу по его прямой специальности, разрешив заниматься исключительно античной эстетикой и мифологией. Его, однако, пригласили на философский факультет МГУ. Но вскоре изгнали как идеалиста - по доносу, в котором поучаствовал и бывший друг Лосева.

С удивительной стойкостью переносили супруги Лосевы свое лагерное бытие, о чем живо свидетельствует переписка Алексея Лосева с супругой, заключенной в лагере на Алтае, полная глубоких мыслей. Поддерживала силу духа супругов Лосевых вера.

Первый раз историка Юрия Домбровского арестовали в 23 года и сослали в Алма-Ату. Второй - в 28 лет, когда Юрий Домбровский провел семь месяцев в следственном изоляторе казахского НКВД. Далее - 4 года на Колыме, 6 лет в Тайшетском Озерлаге. В 46 лет он вышел из лагеря.

«В 1941 году Домбровский, как безнадежный больной, был отправлен с лагпункта «Прокаженка» (Колыма) на материк, а в 1943-м был активирован не по «состоянию» здоровья, а по окончательному отсутствию его» (47).

В обвинительном заключении от 30 июня 1933 года сказано: "ОГПУ Московской области раскрыта и ликвидирована контрреволюционная национал-фашистская организация (...) Идеологом идеи национализма в духе древнемосковского православия, государственности и народности был профессор Флоренский как выдающийся философ и богослов". В 1943 году мыслитель был расстрелян.

Виноградов в 1934 был арестован по "делу славистов" и сослан в Вятку, где отбывал ссылку 2 года. С мая 1936 Виноградов жил под "минусом" в Можайске. После начала войны как социально опасный элемент выслан в Тобольск; находился в ссылке до 1943.

В годы ссылки Виноградов продолжал интенсивно работать. Сохранилось много его записей по истории отдельных слов на мелких листках; причем видно, что записи эти он делал в самых неблагоприятных условиях.

В феврале 1935 Иваненко был арестован и постановлением ОСО НКВД был осуждён три года и как «социально опасный элемент» выслан из Ленинграда в Карагандинский исправительно-трудовой лагерь. Новым постановлением ОСО от 30 декабря 1935 г. был направлен в ссылку в Томск до конца срока.

Во время ссылки в Томске Иваненко руководил теоретическим семинаром теоретического отдела Сибирского физико-технического институт и редактировал «Труды СФТИ».

Козырева арестовали в ноябре 1936 года. Полная формулировка обвинения по делу питерских ученых звучит так: "участие в фашистской троцкистско-зиновьевской террористической организации, ставившей своей целью свержение Советской власти и установление на территории СССР фашистской власти". Его осудили на 10 лет тюрьмы, а в 1939 этапировали в Норильские лагеря НКВД. Из 10 астрономов, арестованных в Пулковской обсерватории, живым из лагерей выбрался он один.

Дмитрий Козырев, сын ученого, свидетельствует: "Первый этап завершился в Дмитровском центральном, в городе Орловской области, который так и назывался Дмитровск-Орловский. Это было место, куда привозили много заключенных в расчете на то, что нечеловеческие условия позволят постоянно вновь и вновь на освободившиеся места привозить новые партии. Когда в 39 году открылись эти камеры, картина была ужасной. Отец говорил, что из-за нечеловеческих условий многие из тех, кто остался жив, вышли из камер слепыми, сам он пережил тяжелейшее испытание, когда оказался в карцере за то, что ходил по камере, а это не позволялось. В лютую зиму карцер предполагал скоротечную смерть, однако отец выжил, и это было им воспринято как некий знак свыше" (31).

В "Архипелаге ГУЛАГ" А.И.Солженицын поведал о Козыреве, не оставлявшего своих научных занятий и в тюрьме, удивительную историю:

"В своих рассуждениях Козырев уперся в забытые цифры. Откуда же взять их в этой одиночке с ночной коптилкой, куда даже птичка не может влететь? И ученый взмолился: "Господи! Я сделал все, что мог. Но помоги мне. Помоги мне дальше". А дальше произошла вещь совершенно удивительная. Арестантам на десять дней полагалась одна книга. Понятно, какого рода книги были тогда в тюремной библиотеке и как мало их было. И вдруг... Минуло всего лишь полчаса после своеобразной молитвы ученого, и к Козыреву пришли сменить книгу. Забрали ту, что отбыла в камере положенные десять дней и, как всегда, не спрашивая, вместо нее швырнули новую. Это был "Курс астрофизики"! Откуда взялось подобное издание в Дмитровской тюрьме? Через два дня вместо положенных десяти ее отобрали, но Козырев успел запомнить все, что ему было необходимо."

Идея Козырева о том, что источником энергии свечения звезд, является время, пришла в голову Николаю Александровичу в Дмитровском центральном.

В Норильских лагерях Козырев сделал даже своеобразную карьеру, став начальником мерзлотной станции.

Там же в 1941 состоялся ещё один над ним суд, на котором в качестве обвинений предъявляли то, что он является сторонником расширяющейся вселенной и считает

Есенина хорошим поэтом. В результате ученый не получил расстрела (видимо, только потому, что был прекрасным специалистом по весьма нужному тогда никелю), а был приговорен к 25 годам дополнительного заключения.

Сын расстрелянного Советской властью царского офицера был обречен на бесконечные лагерные мытарства, и начались они у Льва Гумилева в 1933 году.

В 1938 г., обучаясь на 4-м курсе Ленинградского университета, Гумилев в присутствии 200 студентов вступился за честь расстрелянного отца, одернув некоего профессора Пумпянского Л.В., несшего откровенную чушь о стихах и личности Николая Гумилева. Профессор сообщил куда надо. 10 марта Гумилев был в третий раз арестован.

Заранее подготовленное признание и приговор он подписать отказался и в течение 8 ночей подвергался пыткам. Трем студентам ЛГУ было предъявлено обвинение в том, что они путем физического устранения Сталина, Ежова, Молотова и Жданова собирались свергнуть советскую власть и установить буржуазно - демократическую диктатуру, а Гумилева объявили вождём этой "контрреволюционной организации".

Сам Гумилев рассказал, что находясь в ленинградской тюрьме «Кресты», он сделал главное своё открытие - идею пассионарности этносов. Эту мысль он "нашел под лавкой", поскольку лежать днем - а сидеть из-за травмы ступни было тяжело - можно было только под лавкой, отвлекая себя т.о. размышлениями о научных проблемах: "Обнаружив идею, я, конечно, выскочил из-под лавки и закричал: "Эврика!" Огляделся, ребята смотрят на меня как на сумасшедшего, тогда я залез обратно и стал продумывать идею..." (13).

За время пребывания в лагерях под Карагандой и под Омском он написал две научные монографии - "Хунны" и "Древние тюрки." Вот как писал об условиях этой научной работы экс-з/к Д.Быстролетов в своих воспоминаниях "Записки из живого дома": "Гумилев был очень слаб, одет в грязную одежду, без зубов. Писал диссертацию на тему "Гунны". При каждой проверке он предъявлял надзирателю разрешение на свои бумаги. Гумилев сделал себе деревянное седло на спину для сохранности своей кипы бумаг и носил его в рядах этапников. Вещей у него никогда не было" (35).

По доносу ("восхваление гитлеровской армии и критические высказывания в адрес научного и политического руководства СССР") в январе 1942 Чижевский был арестован по обвинению в "антисоветской агитации" и "клевете на советскую действительность", осужден по 58-й статье УК РСФСР на 8 лет, которые вначале отбывал в Ивдельлаге Свердловской области, а с 1945 года - в Карлаге, в степях Казахстана.

После освобождения 8 лет Чижевский жил в ссылке в Караганде.

"Но и в суровых условиях карагандинских лагерей Чижевский не теряет оптимизма, умудряется продолжить научную деятельность. Его сокамерники вспоминают такой характерный штрих: заключенные должны были носить на фуражке, спине и коленях нашитые номера. Ученый категорически отказался следовать этому правилу,

унижающему человеческое достоинство. Карцер, физическое воздействие - ничто не могло заставить отступить его от своих принципов. Кончилось тем, что лагерное начальство махнуло на него рукой. А клиническую лабораторию при лагерном госпитале, которой он руководил, профессор превратил в научное учреждение. Там он продолжил работу в области, которая глубоко интересовала его с молодых лет: структура крови и механизм ее движения по сосудам, их связь с электричеством организма и окружающей средой. Разработанная им теория нашла отражение в таких его трудах, как "Электрические и магнитные свойства эритроцитов" и "Структурный анализ движущейся крови". А результатом лагерных исследований стала монография "Биофизические механизмы реакции оседания эритроцитов" (9).

Естественно, после войны Тимофеев-Ресовский был осужден и приговорен к лишению свободы в ИТЛ сроком на 10 лет. В первый же год заключения Николай Владимирович едва не умер от пеллагры.

В заключении он, работая в "шарашке", заведовал биофизическим отделом в секретной лаборатории в уральском поселке Сунгуль. В лаборатории в Сунгуле и на биостанции в Миассово ученый изучал процессы распределения радиоактивных изотопов в окружающей среде, растениях и животных.

21 апреля 1947 Андреев был арестован органами госбезопасности по обвинению в антисоветской агитации, создании антисоветской группы и подготовке покушения на т. Сталина. Андреевский роман "Странники ночи" был оценен следователями МГБ на 25 лет отсидки во Владимирской тюрьме; сам роман, поэмы, поэтические симфонии, стихи, архив поэта, - все было уничтожено. Его супруга, Алла Александровна, также была арестована и попала в концлагерь в Мордовии.

Поразительно, но именно в тюрьме духовидец приступает к главным трудам своей жизни - трактату "Роза Мира"; дважды черновики гибли во время обысков, в 1954 г. автор перенес тяжелый инфаркт, но ничто не могло остановить "труда, завещанного от Бога". В заключении он завершил поэтическую книгу "Русские боги" и огромную поэму "Железная мистерия". Вместе с товарищами по несчастью - биологом В. В. Париным и историком Л. Л. Раковым - Даниил написал во Владимирском центре исполненную светлым юмором книгу "Новейший Плутарх" - сборник биографий воображаемых "выдающихся исторических личностей".

В 1957 смертельно больного поэта выпустили умирать на свободе... При жизни умершего в 1959 году Даниила не было опубликовано ни одной написанной им строки.

Интеллектуальная "всеядность", подлинный, "легкий" энциклопедизм был органически характерен Лихачеву.

"В разные годы, в разных условиях мне нравятся совершенно различные произведения западных литератур. То тянет перечитать Диккенса, то Джойса, то Пруста, то Шекспира, то Норвида... Мне легче перечислить тех авторов, которых мне не хочется перечитывать. А ведь я не перечислил ещё философов, которых люблю и

мнение которых я могу даже, как бы играя, временно и с удовольствием разделять. Ведь философские теории и мироощущения имеют для меня ещё и эстетическую ценность. Философы - художники, и мы не должны закрываться от них ширмами собственных взглядов" (22, с.134).

Конфуций учил: "Если естество в человеке одолеет культуру - получится дикарь. Если культура одолеет естество - получится книжник. Лишь тот, в ком естество и культура уравновешены, может стать достойным мужем" (17).

Лихачев был человеком отнюдь не одного книжного знания, а истинным подвижником добра действенного и бескорыстного, созидателем "сферы добра" и совестливости, которую он стремился в идеале распространить над всей бывшей "Святой Русью", ставшей страшной Красной империей, сознательно и целенаправленно разрушающей доставшиеся ей в наследство тысячелетние культурные ценности. Но "нет насилия, которое могло бы лишит нас свободы выбора" (Эпиктет), и то, что было возможно, было им спасено (включая Невский проспект).

Ю.Мизюлин, отбывавший срок вместе с Гумилевым, писал: "Гумилев выделялся из всех быстротой (и остротой!) своего ума, энергичностью, находчивостью. Любил писать стихи, экспромтом сочинял эпиграммы. На все у него хватало времени и сил" (35).

Вот с каким искренне теплым чувством Гумилев вспоминает о лагерном окружении: "Более подлинного интернационала, чем в сибирском лагере, я не встречал. Именно интернационала, а не безнациональной массы, хотя, казалось бы, кругом одинаковые серые ватники, валенки, брюки... Во всяком случае, именно там я познакомился с представителями разных народов, общался с ними и понял многое, мне ранее не доступное. Зная таджикский язык, я дружил с персом, с таджиками... Мое общение с казахами, татарами, узбеками показало, что дружить с этими народами просто. Надо лишь быть с ними искренними, доброжелательными и уважать своеобразие их обычаев" (35).

Ничто не смогло поколебать духовный стержень этого человека, "последнего сына Серебряного века":

"Лев Николаевич резко отличался от большинства знакомых мне людей: отличался поведением, фразеологией, суждениями обо всем на свете. Чувствовалось, что он живет в каком-то другом мире, где многое совсем, совсем иначе. В этом отношении он походил на некоторых моих семейных знакомых и родственников, - людей, родившихся до Катаклизма, еще в 1920-е, даже в 1930-е жившие по законам той, навек исчезнувшей с лица Земли России. Эти люди, пришедшие из другой эпохи, были другими трудно сразу объяснить, в чем именно. Лев Гумилев тоже был таким вот: другим. (...) Лев Николаевич не слишком уважал большинство официальных ученых. И они считали его снобом и гордецом, хотя это как раз полная неправда. Лев Николаевич всегда охотно спорил, охотно делился знаниями, легко общался даже с

неприятными людьми. И был он очень вежливым, очень приятным в разговорах человеком" (8).

По специальности историк, Домбровский много и хорошо переводил с казахского языка. Владея энциклопедическими знаниями, из лагеря он писал матери на латыни.

"Домбровский был настоящий интеллигент. Отсидки лишь увеличивали его духовное богатство. Чего стоит цикл рассказов «Смуглая леди сонетов», который он написал сразу после очередного выхода из лагеря! Обездвиженный болезнью, он перечитал гору книг, которые доставляли ему друзья из алма-атинских и московских библиотек, и создал произведение, признанное не только нашими, но и английскими шекспироведами исторически точным и прекрасным по форме. Столь широко образованных, много думавших о судьбах мира и воплотивших и то и другое в своей прозе и поэзии, среди писателей двадцатого века было немного" (47).

С детства он не терпел скуки и ненавидел несвободу. Однажды в лагере поэт поджег карцер, в котором сидел. Сам едва не сгорел, но карцер сгорел дотла.

Козырев вышел из тюрьмы в декабре 1946 года - совершенно не озлобленным, к удивлению многих. Скорее всего, он не хотел растрчивать себя на пустые эмоции, не способные что-либо изменить. Были у него дела поважнее. Он вышел в декабре, а уже в марте защитил в Ленинградском университете докторскую диссертацию "О происхождении звездной энергии и теории внутреннего строения звезд".

По личному распоряжению Сталина, развенчавшего марризм, Виноградов был поставлен в 1950 во главе советского языкознания, затем возглавил Институт русского языка АН СССР, который теперь носит его имя. Однако ученый смог пройти это, самое страшное, испытание - тест медными трубами. Вопреки своей репутации "советского начальника" и ретрограда, Виноградов не злоупотреблял своим положением, частенько помогая находившимся у властей на недобром счету старым коллегам. В том числе М.М.Бахтину, своему многолетнему и принципиальному оппоненту.

А теперь – судьба «рядового интеллигента» того времени, жизнь которого переехало «Красное колесо».

Известный ленинградский поэт Глеб Горбовский свято хранит память об отце, скромном учителе русской словесности. Учась в гимназии, тот сочиняет пьесу. В годы юности, рискуя жизнью, Яков Горбовский вступается за невинно обвиненного и всё же приговоренного к расстрелу большевистской "тройкой" человека.

"И не было в отце за эти 70 лет ни единого случая, когда бы он отрекся от своей "теории справедливости", о невозможности всеобщего счастья на крови невинно загубленных жертв. Сия милосердная теория стала зрением его души на всю оставшуюся жизнь" (11, с.119).

В 1938-ом году Якова Горбовского арестовывают по доносу как "затаившегося меньшевика", хотя кроме "партии Господа нашего Иисуса Христа" ни в одной партии, по своим словам, он не состоял. При обыске была найдена непорочимая улика "инаковости" Якова - тетрадка с выписками из мировой классики.

"Чуть позже следователь Василеостровского района Готлиб прицепится к одному "откровению" из этой роковой тетрадки, где отец имел наглость выразиться не по-советски, утверждая, что Пушкин гораздо значительнее Маяковского. А это уже - контра." (11, с.123).

В тюрьме Большого дома на Литейном Яков Горбовский попал в камеру к правому коммунисту и атеисту Безгрешнову, заместителю Лазаря Кагановича (любопытно, что Горбовскому предъявили объявление в организации покушения на Кагановича). Совершенно убитого своим "незаслуженным" арестом сокамерника Горбовский вернул к жизни, читая ему вслух классику из тюремной библиотеки - Л.Толстого, Достоевского, Гоголя... А затем, научив Безгрешнова молитве "Отче наш", буквально избавил того от страха и перед нынешним заключением, и перед самой смертью.

Творчество, согласно Н.Бердяеву, суть ответ человека на зов Бога. С ним солидарен Арто: "культура это движение духа" (10).

Лауреатом Нобелевской премии Жоресом Алферовым как будто о Лихачеве сказано: "есть сферы, где религиозные и научные убеждения объединяются. Это сохранение культурных традиций, это просвещение и сохранение нравственности народа" (21).

Д.С., человек верующий, был убежден: Дух и духовность, культура и религиозный культ, творчество и Творец неразделимы.

Незадолго до ареста молодой Лихачев сделал доклад о старой русской орфографии, "попранной и искаженной врагом Церкви Христовой и народа русского". Много позднее он писал: "В понятие культуры должны входить и всегда входили религия, наука, образование, нравственные и моральные нормы поведения людей и государства. (...) Колоссальный удар русскому языку, а следовательно, и русскому понятийному миру принесло после революции запрещение преподавания Закона Божия и церковнославянского языка. Стали непонятными многие выражения из псалмов, богослужения, Священного Писания (особенно из Ветхого Завета) и т.д. Этот огромный урон русской культуре еще придется изучать и осмысливать. Двойная беда, что вытесненные понятия были к тому же понятиями в основном именно духовной культуры. Культуру народа как единое целое можно уподобить горному леднику, движущемуся медленно, но необычайно мощно" (25).

Сил ему в его неустанной деятельности на ниве добра придавала убежденность глубоко верующего человека:

"Однажды на одной дискуссии, рассуждая о будущей жизни, я высказался довольно пессимистично. Он на это заметил, что пессимизм - привилегия марксизма, самого пессимистического учения, поскольку оно считает, что материя первична, а дух - вторичен, что бытие определяет сознание. Вот это и есть пессимизм - предполагать, что все зависит от материального мира. На самом деле дух первичен и сознание определяет бытие. В этом и состоит оптимизм человека - призыв к активности" (12).

Архиепископ Новосибирский и Бердский Тихон выразился об этом так:

"Преподобный Ефрем Сирийский говорил, что блажен, счастлив город, счастлива страна, счастливо поколение, в котором есть праведник, ибо один праведник может спасти всех окружающих людей. Дмитрий Сергеевич Лихачев был таким человеком, он был служителем добра и правды, хранителем совести, служителем слова" (52).

Желая передать подрастающему поколению основы духовно-нравственного воспитания, Д.С. обращался к ним в письмах о добром, составляя на основе Евангелия Христова нравственные заповеди. Вот некоторые из 25 его максим:

- Люби людей - и ближних, и дальних.
- Твори добро, не видя в том заслуги.
- Люби мир в себе, а не себя в мире.
- Будь искренним: вводя в заблуждение других, обманываешься сам.
- Учись читать с интересом, с удовольствием и не торопись; чтение - путь к житейской мудрости, не гнушайся им!
- Будь верующим - вера обогащает душу и укрепляет дух.
- Будь совестлив: вся мораль в совести.
- Чти прошлое, твори настоящее, верь в будущее.

Провокатор Азеф, впрочем, также соизволил оставить после себя морально-философский катехизис, вполне "бла-родного" свойства: "Пиши лишь то, что можешь подписать", "Наперед прощай всех", "Не презирай людей, не ненавидь их, не высмеивай их чрезмерно - жалей их" и т.д. (1). Но подобные истины из уст иудушки лишь компрометируют их.

А.Лосев с молоком матери унаследовал строгое православие и нравственные устои жизни. Мало того, в 1929 году он вместе с супругой тайно принял монашеский постриг, совершенный известным афонским старцем, архимандритом о. Давидом. Важнейшие трагические даты его жизни связаны с церковными праздниками. В 1930 году его арестовали в ночь на Страстную пятницу. Скончался он 24 мая 1988 г. в день памяти славянских просветителей св. Кирилла и Мефодия, покровителей Лосева с детских лет (в гимназии домовый храм был посвящен этим святым). Последнее, что написал А. Ф. Лосев, -- "Слово о Кирилле и Мефодии. Реальность общего".

Зимой 1940 года Ю. Домбровский написал на Колыме чудное стихотворение "Амнистия", исполненное истинной верой. Начиналось оно так:

"Даже в пекле надежда заводится,

Если в адские вхожа края.
Матерь Божия, Богородица,
Непорочная дева моя.

Она ходит по кругу проклятому,
Вся надламываясь от тягот,
И без выбора каждому пятому
Ручку маленькую подает..."

"Бахтин утверждал, что человек, причастный России, может исповедовать именно и только православие. Михаил Михайлович неоднократно утверждал высшее значение религии для мыслителя и даже ученого. Только религия, говорил он, определяет ничем не ограниченную свободу мысли, ибо человек абсолютно не может существовать без какой-либо веры, и отсутствие веры в Бога неизбежно оборачивается идолопоклонством, то есть верой в нечто заведомо ограниченное временными и пространственными рамками и не дающее действительной, полноценной свободы мысли (...) Бахтин с юных лет и до кончины не расставался с образом Серафима Саровского и говорил о преподобном как о своем небесном покровителе (образок этот был отобран ОГПУ при аресте, но потом все же возвращен). И можно предположить, что после изгнания из столиц Бахтин не случайно поселился и прожил четверть века вблизи Серафимо-Саровской пустыни, где, правда, в те времена А.Д. Сахаров под неусыпным руководством Л.П. Берии конструировал водородную бомбу..." (18).

Возможно, сейчас мы даже не осознаем, насколько реальна опасность гибели нашей страны в отсутствии духовных подвижников, не понимаем, насколько "гибельна утрата христианского стержня русской культуры, который, собственно говоря, и помогает сохранять высшесмысловую ориентацию в мире, различать добро и зло, не соблазняться новомодными утопиями, не забывать о «голом короле», видеть всеопределяющее «внутреннее» душевно-духовное качество «внешнего» хода событий, противостоять человеческой и исторической энтропии" (39).

Неважно обстоят дела и на гибнущем в сарданапаловой роскоши современном Западе. П.Бьюкенен в знаковой книге "Смерть Запада" утверждает, что дехристианизация жизни влечёт за собой этическую канализацию и духовную пустыню и знаменует приход нового варварства. Преодоление "апокалипсиса культуры" невозможно в условиях современной иррелигиозной политики западных государств (цит. по: 20).

На глазах Д.С. происходил беспрецедентный в истории противоестественный отбор: уничтожение лучших и процветание самых худших, бесстыжих, бессовестных - мрази, правившей под большевистскими знаменами и доведшей Россию до теперешней степени вырождения. Завета основателя государства «интеллигенция - это не мозг нации, это говно» (19) неукоснительно придерживались и последующие вожди.

Генетики и кибернетики, слависты и марристы, обэриуты и «кулацкие поэты», эсперантисты и коротковолновики - несть им числа! - марш в лагерь, этап за этапом!

"Итак, настоящее оскудение мысли в Ленинграде началось уже после лагерей. Люди рассеялись по стране. Кто умер, кто опустился. Все жили в одиночку, боялись говорить и даже думать (...) Больше всех посчастливилось тем, кто очутился за рубежом. (...)

В Ленинграде не давали паспортов дворянам, а в дворцовых пригородах ещё и бывшим служащим дворцов. Последнее было ужасно не только для людей, но и для дворцов. Дворцовая обслуга была честной и хранила всякую мелочь. Приходившие ей на смену "кадры" утаивали, воровали, "списывали", ничего не понимая в "вещах", - в предметах искусства. Пропадали ценнейшие сведения, передававшиеся из уст в уста, легенды, предания и даже некоторые традиции. С высылкой дворянства изменялся культурный облик городов." (Лихачев Д.С. Воспоминания. Изд. 2, переработанное. СПб., 1999. С. 396 и 417).

Особенно страшным было нравственное одичание: ученый вспоминает, как в сталинские годы "своего рода массовое душевное заболевание постепенно охватило всю страну. Люди не стыдились быть стукачами. Даже намекали на свою особую власть" (22, с.526).

В 1930 году нарком просвещения Луначарский объявил, что большевики пересмотрели отношение к науке и, в особенности, к искусству. На службе «социалистическому строительству» остались лишь естественные и технические дисциплины, а гуманитарные сохранились лишь как часть официальных агитации и пропаганды (47).

Культура -- последний бастион, который с мужеством отчаяния защищали такие люди, как Д.С. Конечно, один и даже десять Дон Кихотов от культуры не могли спасти гибнущую на его же глазах Россию от государственного катка воинствующего бескультурья и сатанинской бездуховности. При Хрущеве "в Витебске сносили воистину уникальный памятник истории нашего государства - церковь Благовещения, возведенную в 12 веке на берегу Двины. По преданию, в этом храме венчался Александр Невский. (...)

Речка в Витебске - Витьба.

Сесть на камень и выть бы!

Раньше в Витебске -

Хоровод церквей!

Город в Русь ушел до бровей.

Раньше - было,

Теперь - увы.

Город Витебск старше Москвы.

... Вчера взрывали Двенадцатый Век, -

кирпич как брызнет
на белый снег!
Прораб веселый,
как сатана!
Весь мир разрушит, и... тишина."

Огрызки фундамента из-под храма теперь охраняются государством. И получается, что одним людям одно и то же государство приказывало рушить, другим - то же самое охранять" (11, с.166).

"Сосланный в 20-ый век" (слова А.Ф.Лосева) Д.С.Лихачев стал заниматься древнерусской литературой и искусством, дабы "удержать в памяти Россию, как хотят удержать в памяти образ умирающей матери сидящие у её постели дети, собрать её изображения, показать их друзьям, рассказать о величии её мученической жизни. Мои книги - это, в сущности, поминальные записочки, которые подают "за упокой" (22, с.159).

Он ушел в изучение культуры Руси изначальной, как монах уходит в скит, спасаясь от соблазнов и опасностей мира. Так обыкновенно в советские времена поступали люди его духовности и культуры; стоит вспомнить Алексея Лосева, для опубликования труда жизни, полномасштабного исследования античной философии, избравшего безобидное название "Истории античной эстетики".

Но и в этой цитадели расплодившиеся доносчики, которых и в академических кругах было не менее, если не более, чем в целом по стране, пытались добить подвижников чести и духа. К примеру, ученый стукачок М.О.Скрипиль публично обвинил Лихачева в симпатиях к "изменнику Родины" князю Курбскому (22, с.541).

В греческой трагедии погибал герой, в трагедии советской - хор. Полный мартиролог талантливых достойных людей, погибших в советских лагерях и застенках, занял бы, вероятно, солидный том, а может быть, и не один.

"Последний местный неоплатоник ещё задолго до 20 съезда партии перестал стыдиться, что у него есть тело" (34).

Почти невозможно в одиночку противостоять тоталитарному государственному механизму, и дело простого случая, что Андреев, Гумилев или Лихачев умерли своей смертью. Следует помнить, что уже старику Лихачеву угрожали, избили в подъезде дома, подожгли квартиру. Ныне организаторы травли занимают высокие государственные кабинеты...

Приговор В.Астафьева: "на моих глазах лучшая часть нашего общества разрушилась, погибла в голоде, войне, преобразованиях и непосильном труде ради худшей, ничтожнейшей части своей. Такое человечество, какое есть ныне на земле, не может долго существовать, да и нет у него на это морального права, одного животного желания - жить, сжигая зеленую земную красу в смердящих трубах - недостаточно, да

оно, нынешнее человечество, и недостойно памяти того человека, который жил до нас" (4).

Зощенковский тип, пройдя фазу "хомо советикуса" А.Зиновьева, достиг стадии, описанной Ю.Мамлеевым; разговаривает в основном матом и имеет лишь три желания: оттянуться, приколоться и срубить бабла по-легкому. Управляют государством люди с интеллектом и моралью кухарки, а во главу министерства культуры вполне можно ставить прачку либо Швыдкого.

Техника (от греческого *techne* - "искусство, мастерство") - "совокупность средств человеческой деятельности, создаваемых для осуществления процессов производства и обслуживания непроеизводственных потребностей общества" (37, с.1329).

Если руководствоваться определением культуры Ожегова, техника является частью общечеловеческой культуры. В работе "Человек и техника" (1932) О.Шпенглер определяет технику как "тактику жизни", как "душевно-духовную" символическую необходимость. Люди техники, такие, как С.Королев (сын учителя гимназии, кстати) или В.Глушко, и по происхождению, и по образованию, и по моральным качествам принадлежат к «плеяде Лихачева».

Однако есть и иные мнения на сей счет - о противоположности культуры и техники (или, шире, цивилизации). Ещё мудрый древний грек, оратор Антифон, полагал, что "цивилизация достигает прогресса ценой варварства".

А знаменитый русский философ Серебряного века дал чеканную формулировку: "Культура отличается от цивилизации, во-первых, иной направленностью интересов; во-вторых, приматом качества над количеством" (40).

Что значит иная направленность, расшифровывает не менее авторитетный его современник: "Энергия культурного человека устремлена во внутрь, энергия цивилизованного - во внешнее" (44).

Чтобы творить - писать, рисовать, сочинять музыку - не нужны изощренные технические приспособления. Античное стило принципиально мало отличается от нынешней шариковой ручки или карандаша. Философствовать и ныне можно, сидя голым в бочке - если климат позволяет - наподобие Диогена. Тогда как техника шагнула далеко вперед. И наиболее разительны эти успехи в деле военном, т.е. в смертоубийстве и уничтожении материальных артефактов культуры.

"Технический аппарат безудержно стремится к тому состоянию, на которое он направлен. До 30-летней войны армии собирались для того, чтобы вести войну. Сегодня войны ведутся потому, что наличествуют постоянные армии (...) Техника вошла в стадию своего собственного самоуничтожения." (45).

Цивилизация, лишенная культуры, скатывается в область чистой биологии и даже зоологии; вот как об этом выразился М.Бахтин: "Все силы ответственного свершения уходят в автономную область культуры, и отрешённый от них поступок ниспадает на степень элементарной биологической и экономической мотивировки, теряет все свои идеальные моменты. Это и есть состояние цивилизации. Всё богатство культуры отдаётся на услужение биологического акта" (5).

Согласно В.Ф.Эрну, "цивилизация есть изнанка культуры" (46), а Лосский утверждал, что "цивилизация - это огромная попытка восполнить отсутствие Бога" (26).

Рассуждая о метафизической подоплеке антагонизма техники и культуры, французский мыслитель Габриэль Марсель говорил о великой важности (сравнивая это открытие с коперниковским) открытого Мартином Бубером размежевания "Я-Ты" с "Я-Оно"; обычное деление на субъект и объект не замечает этой разницы. Согласно Марселю, сосредоточенность мысли на мире как предмете, как Оно "ведёт к технократическому развитию, всё более губительному для целостности человека и даже для его физического существования" (7).

Безудержная гонка технического прогресса не даёт человеку остановиться, оглянуться и продумать вопросы самые главные, самые насущные:

"Не давая нам возможности уяснить сущность мира и нашей собственной жизни, дух нашего времени бросает нас в водоворот деятельности... Он умышленно разжигает в нас безудержную жажду деятельности, дабы мы не опомнились и не спросили, что же, собственно, общего имеет эта самозабвенная преданность тем или иным целям и достижениям со смыслом мира и смыслом нашей жизни" (43).

Техника под управлением людей, лишенных нравственного чутья, неминуемо ведёт к гибели современного человечества; развитие технологий, беспощадных к природе и к нормальным условиям жизни людей, уже поставило современный мир на край пропасти:

"Западный человек сверхзабочен собственным материальным и чувственным удовлетворением и становится всё более неспособным к моральному самоограничению. Но если мы на деле окажемся неспособными к самоограничению на основе чётких нравственных критериев, под вопрос будет поставлено само наше выживание" (6).

И сделать шаг прочь от пропасти способен будет лишь человек культуры, человек духа, человек религии.

Вполне естественно человеку, прошедшему через преисподнюю советской истории Двадцатого века, мечтать о комфорте. И, безусловно, для Д.С. сие значит не искусственное удовлетворение искусственных потребностей современного члена западного "золотого миллиарда", о которых современник свидетельствует так:

"Мы создаем новый тип лишений - отсутствие автомобиля, яхты или виллы в Ньюпорте. Самые утонченные драгоценности становятся жизненной необходимостью, а их отсутствие тяжело переживается" (48).

Для нашей богоспасаемой отчизны достаточно упомянуть хит продаж последнего полугодия: унитаз с подогреваемым сиденьем. А вот какие необходимейшие подарки друзьям на Рождество рекламируются в современных российских газетах: фен для сушки лака на ногтях, набор для пикника в виде рюкзака, антистрессовая мини-груша для бокса и - универсальный радиодержатель для туалетной бумаги с кнопкой тревоги - "ею можно воспользоваться в случае, если держатель неожиданно опустел"! (27).

Это просто нормальные условия человеческого существования, о которых мечтали миллионы советских зэка: свой угол, горячая вода, теплый туалет... Какой уж тут "евростандарт"! Не делайте из гения форшмак - вот первое и необходимое условие российского комфорта. Второе - кров. Элементарная крыша над головой, зимой кучка дров у печки...

Самое любопытное, что фактами собственной биографией Д.С. доказывает, что комфорт вовсе не необходим для творчества. Лихачев и люди его поколения доказали способность не просто выживания, а сложного умственного труда в самых ужасных и бесчеловечных условиях существования.

Вот Лихачева арестовывают, сажают в тюрьму (ДПЗ на Шпалерной); однако в камере - "много интереснейшего народа" (22, с.189), и узники придумывают и озвучивают разнообразнейшие теории, по очереди выступают с самыми экстравагантными научными докладами, ставят и решают острые мировоззренческие вопросы. Сам будущий академик выступил с докладом о том, как писатели и поэты разных эпох сами, по собственному выбору определяют собственную - чаще всего трагическую - судьбу.

3 тяжелейших года Д.С. был политзаключенным Соловецкого лагеря особого назначения - "и там он исхитрился заниматься археологией, изучать искусство реставрации, занимался биографией беспризорников. Они признавались: "Мы тебе вьем". А ему интересно было, как они врут, какова философия самооправдания. Впоследствии Лихачев написал работы о воровской речи, об обычаях воровской игры в карты" (12). Во время пребывания автора на Соловках опубликована первая научная работа Д.С.Лихачева "Картежные игры уголовников" в журнале "Соловецкие острова".

В тех же Соловках загнанный туда в 1933 году отец Павел Флоренский истово трудился на естественнонаучном поприще, изучая водоросли, почвы, вечную мерзлоту, занимаясь фенологическими и метеорологическими наблюдениями. Он создаёт завод по выпуску агара из водорослей.

В лагере за Воркутой чтимый Лихачевым философ Лев Карсавин прославился как мудрый духовный учитель, христианский утешитель; его общества искали люди думающие и ищущие. В концлагере в Абези, он за два неполных года создал не менее десятка сочинений, включая венки сонетов и цикл терцин, в которых излагал квинтэссенцию своей философии.

Другие примеры лагерного творчества смотри выше. И не следкует ограничиваться 30-ыми годами.

"Через полвека, читая "Прогулки с Пушкиным" А.Синявского, я подумал: "Какая типично тюремно-лагерная выдумка" - вся его концепция о Пушкине" (22, с.189).

В блокаду "люди писали дневники, философские сочинения, научные работы, искренне, "от души" мыслили, проявляли необыкновенную твердость, не уступая давлению, не поддаваясь суете и тщеславию" (22, с.490).

Д.С. описывал, как в экстремальных условиях люди раскрываются полностью, личины слетают и нравственная суть человека обнажается. В это тяжелейшее время он вместе с М. Тихановой написал книгу "Оборона древнерусских городов", сумел выдержать испытание голодом, сохранить человеческое достоинство.

Особое для нашего поколения счастье ощущать присутствие таких людей, прямых наследников Серебряного века, в духовном пространстве нашей Родины. Не всё ещё потеряно, если среди толпы безвкусных исполнителей и дамочек сомнительного свойства, чьи имена благодаря "маленькому прозрачному окошку в трубе духовного мусоропровода" (определение ТВ, данное В.Пелевиным) известны всем от мала и до велика, мы иногда различали благородную фигуру Д.С. и слышали его негромкое чеканное слово.

Ницше прав: "Не вокруг творцов нового шума - вокруг творцов новых ценностей вращается мир!" (42, с.110).

А меж тем шаловливые ручонки отечественных неандертальцев при слове культура тянутся с завидным постоянством к мягким своим пистолетам:

"Раскован солнцем зимний плен,

Задули вешние пассаты.

Не хочешь ли, мой друг, поссати

На флорентийский гобелен?"

(Шиш Брянский, модный современный стихотворец).

Некий рок-певец, будучив Калининграде справил недавно - к восторгу придурков из масс-медиа - малую нужду на могиле Канта ...

О Лихачеве можно сказать то же, что было сказано об Ахматовой и Пастернаке: "Его смерть в 1960 году и её в 1966-м завершили историю русской культуры первой половины 20 века: насколько я мог видеть, при их жизни нельзя было сказать и

поступить так, как стало возможно уже через месяц-два после ахматовских похорон" (30).

Во время прогрессирующего одичания и торжествующей безнравственности, маскирующейся под гламур, нам жизненно необходимы подобные люди - твердые, негромкие, люди духа и чести.

До сих пор не осознано, что главной причиной краха Советской империи явилось подавление духовности, прав и возможностей свободного развития каждой личности, ставка на беззаконие и голую силу, функционирование позорящих человеческое достоинство колоссальных государственных институтов, доведших массы до полуживотного состояния, живущих инстинктами и страхом.

Всё, что надо России - свободное культурное развитие, очеловечивание всех сфер жизни, благоговение перед жизнью каждого и безусловная её защита, восстановление естественного отбора лучших.

Д.С. не без оснований предупреждал, что или 21 век станет веком гуманитарной культуры, развития классического искусства, либо его не будет совсем. Культура всегда подразумевает сложность, изощренность понятийного аппарата, противостоящая "опрощению", превращению человека в существо манипулируемое и предсказуемое. Великий литератор Серебряного века, комментируя "Легенду о Великом Инквизиторе" Достоевского, замечает: "здесь разумеется один страшный, но действительно мощный исход из исторических противоречий: это - понижение психического уровня в человеке (...) упростить его природу до ясности коротких желаний - вот средство удовлетворить его, наконец, и успокоить" (36).

Жизнь и творчество Лихачевской плеяды в таком контексте суть подвиг противостояния Антихристу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1) Алданов М. Азеф - Истоки. М. "Известия", 1991 - с.400-437
- 2) Андреева А. Жизнь Даниила Андреева, рассказанная его женой - http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1993/7/andre.html
- 3) "А.П.Чехов в воспоминаниях современников". М., 1986
- 4) Астафьев А. "Зрячий посох" -- в журнале "Москва" №3 за 1989, с.81
- 5) Бахтин М. К философии поступка - цит. по: "Литературная газета" №14 за 2007, с.4.
- 6) Бжезинский З. "Вне контроля. Глобальная смута на пороге 21 века" - цит. по: "Литературная газета" №14 за 2007, с.4
- 7) Бубер М. "Я и Ты". - В кн.: "Два образа веры". М. "Республика", 1995. С.25.
- 8) Буровский А. Лев Гумилёв: человек и бессмертие - <http://www.evrazia.krk.ru/analitika/lev.shtm>
- 9) Бутлицкий А. А. Л. Чижевский - <http://www.chronos.msu.ru/biographies/chizhevsky.html>
- 10) Восток-Запад, выпуск 2, "Наука", 1985.
- 11) Горбовский Г. Остывшие следы. Лениздат, 1991
- 12) Гранин Д.А. Наша печаль, наша любовь // Гранин Д.А. Тайный знак Петербурга. - СПб., 2002. - С. 339-344
- 13) Гумилев Л. Законы времен // Литературное обозрение. - 1990. - № 3. - с. 3-9).
- 14) Дувакин В. Д. Разговоры с Бахтиным - «Человек» - 1993 № 4.
- 15) Запесоцкий А., Зобнин Ю. Лихачёв и Гумилёв: спор о евразийстве. - журнал "Москва" №1 за 2007.
- 16) Иванов Вяч.Вс. "Я не полиглот ..." - "РГ. Неделя" №205 за 2006.
- 17) Из книг мудрецов. М. "Художественная литература", 1987.
- 18) Кожин В.В. Великий творец русской культуры XX века. - http://www.hrono.ru/libris/lib_k/koz_h_bahtin.html

- 19) Ленин В.И. ПСС, 5 изд., т. 51
- 20) Литературная газета" №14 за 2007, с.4
- 21) Литературная газета №15 за 2007, с.1.
- 22) Лихачев Д.С. Воспоминания. Изд. 2, переработанное. - СПб., 1999.
- 23) Лихачев Д.С. Письма о доброте. - СПб., 2006.
- 24) Лихачев Д.С. Раздумья о России. - СПб., 1999. - 459 с.
- 25) Лихачев Д.С. Русская культура. - <http://www.den-za-dnem.ru/page.php>
- 26) Лосский В.Н. Догматическое богословие. М., 1991, с.257.
- 27) Метро, газета от 16 декабря 2005, с.11.
- 28) Михайлова М.Г. - "Гумилевы - Ахматова и Бежецкий край" - <http://bezh.asobezh.ru/istoria/gym-achm.htm>
- 29) Музиль Р. Человек без свойств - в журнале "Иностранная литература" №9 за 1983.
- 30) Найман А. Рассказы об Анне Ахматовой. - Новый мир №2 за 1989.
- 31) Николай Козырев и Время, зеркала Козырева - <http://www.okeant.ru/>
- 32) Ожегов С.И. Словарь русского языка. М. "Русский язык", 1990. С.314.
- 33) Осип Манделъштам. Последние творческие годы" - в журнале "Новый мир" №10 за 1987
- 34) Пелевин В. Чапаев и Пустота, Москва, Вагриус, 1996, с.289
- 35) Полушин Д.В. "Феномен Льва Гумилева или как открытия рождаются под ногами" - <http://memorial.krsk.ru/Work/Lect/polus3.htm>
- 36) Розанов В.В. Мысли о литературе. С.120
- 37) Советский энциклопедический словарь. М., 1988.
- 38) Солженицын А.И. Образованщина - Новый мир. - 1991. Но 5. - С. 28 – 46.
- 39) Тарасов Б. Вниз по течению? - Литературная газета №14 за 2007, с.4.

- 40) Федотов Г.П. Судьба и грехи России. С.211
- 41) Флоренский П.В. Геология добра и зла - в журнале "Человек и природа" №9 за 1989.
- 42) Франк С.Л. Этика нигилизма. - Сочинения. М. "Правда", 1990.
- 43) Швейцер А. Культура и этика" - цит. по альманаху "Человек и природа" №10 за 1991, с.59
- 44) Шпенглер О. Закат Европы. Т.1, с.77
- 45) Шубарт В. "Европа и душа Востока", с.149
- 46) Эрн В. На пути к логизму - "Ступени" №2 за 1991, с.108
- 47) Юрий Домбровский. 90 лет со дня рождения -
<http://tumbalalaika.memo.ru/articles/artn>
- 48) Patrick G. The Psychology of Social Reconstruction. P.133.
- 49) <http://estestv.uchilka.ru/view/>
- 50) <http://www.ivanenko-d-d.ru/bio.htm>
- 51) <http://www.katolik.ru/modules.php>
- 52) <http://www.religare.ru/print37809.htm>